

Статьи

Ю.С. Обидина

Марийский университет

Отражение представлений о душе и смерти в культе мертвых античной традиции

Как бы глубоко мы ни погружались в историю индоевропейских народов, из которых вышли греческие и италийские племена, мы не встретим свидетельств, чтобы они верили, что все кончено для человека после краткой земной жизни. Самые древние поколения, задолго до появления философской мысли, верили в последующую жизнь после смерти. Они смотрели на смерть не как на уничтожение, а как на простую перемену бытия.

Но где и как протекала эта вторичная жизнь? История человечества знает несколько тому примеров. Во-первых, верили, что бессмертный дух, покинув телесную оболочку, одушевлял собою новое существо. Однако вера в переселение душ (метемпсихоз) так никогда и не укоренилась в умах греко-италийских племен¹. Во-вторых, верили, что дух поднимался к небу, к области света. Но эти представления имеют не столь давнюю историю; жизнь небесная понималась лишь как награда великих людей и благодетелей человечества. Как свидетельствуют источники, согласно древнейшим верованиям греческих и италийских племен душа проводила свою вторую жизнь в том же мире; она оставалась вблизи людей и продолжала жизнь под землею².

Довольно длительное время господствовало также верование, что в это второе существование душа оставалась связанной с телом. Она рождалась вместе с ним и не разлучалась с ним по смерти; вместе с ним она покоилась в могиле.

Это подтверждают многочисленные данные античной письменной традиции. Вергилий, у которого описание религиозных церемоний отличается особой точностью и тщательностью, заканчивает рассказ о погребении Полидора такими словами: «Мы погребаем душу в могиле»³. То же выражение находим у Овидия и Плиния Младшего; однако это не значит, что оно отвечало представлениям Вергилия и Овидия о душе, просто с неза-

Юлия Сергеевна Обидина, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета. Область научных интересов — история античности, древние языки, древнегреческая философия и религия, представления о смерти и бессмертии в античности. E-mail: basiley@mail.ru

¹ Подробнее об учении метемпсихоз у древних греков и римлян см.: Милославский П. Древнее языческое учение о странствии и переселении душ и его следы в первые века христианства. Казань, 1873. С. 185–284.

² Sub terra censebant reliquam vitam agi mortuorum. Цицерон. Tusc., I., 16. Это верование настолько было сильно, прибавляет Цицерон, что даже когда установился обычай сжигать трупы, продолжали верить, что мертвые живут под землею. Еврипид. Алкеста, 163; Гскуба, passim.

³ Вергилий. Энеида, III, 67: animamque sepulcro condimus.

памятных времен оно обращалось в языке, свидетельствуя о древних и общепринятых верованиях⁴.

Был обычай в конце похоронного обряда трижды призывать душу покойника по имени, которое он носил. Ей высказывалось пожелание счастливой жизни под землею. Трижды ей повторялось: «Будь счастлива, прощай», прибавляя: «Пусть будет тебе легко под землею»⁵. Это говорит о веровании в то, что существо будет продолжать жить под землею и что оно сохранит и в могиле чувство благосостояния и страдания. На гробнице писалось, что здесь покоится человек, — выражение, пережившее эти верования и из века в век дожившее до нас. И мы еще употребляем его, хотя уже никто теперь не думает, что бессмертное существо покоится в могиле. Но в древности настолько верили, что человек жил там, что никогда не упускали из виду зарыть вместе с ним и предметы, ему необходимые: одежду, посуду, оружие⁶. На его могилу возливалось вино, чтоб утолить его жажду, ставили пищу, чтобы насытить его голод (Еврипид. Ифигения в Тавриде, 163; Вергилий. Энеида, V, 76—80; VI, 225), убивали лошадей и рабов с мыслию о том, чтобы эти существа, погребенные вместе с усопшим, и по смерти служили ему в могиле, как они делали это при жизни⁷. После взятия Трои греки спешат вернуться на родину; каждый из них уводит с собою по прекрасной пленнице; тогда Ахилл, уже под землею, требует свою пленницу, и ему отдают Поликсену (Еврипид. Гекуба, 40—41; 107—113; 637—639).

Один стих Пиндара сберег для нас любопытный след этих воззрений древних поколений. Фрикс был принужден покинуть Грецию и убежать в Колхиду. В этой стране он умер, но и мертвый он жаждал вернуться в Грецию. Он явился во сне Пелиасу и повелел ему идти в Колхиду и взять оттуда его душу. Без сомнения, эта душа тосковала по родной земле, по семейной усыпальнице; но привязанная к плотским останкам, она не могла покинуть без них Колхиды (Пиндар. Pythiq., IV, 284).

Из этого первоначального верования возникла необходимость погребения. Для того чтобы водворить душу в подземное жилище, нужное ей для посмертной жизни, надлежало тело, с которым она оставалась связанною, предать земле. Душа, не имевшая могилы, не имела жилища. У неё не было постоянного местопребывания, и она была скиталицей. Напрасно жаждала она покоя, столь желанного после волнений и трудов жизни; ей суждено было вечно бродить и скитаться в виде лара или призрака, никогда не оста-

⁴ Овидий. Fast., V, 451: tumulo fraternal condidit umbras. Плиний. Ер., VII, 27: manes rite conditi. Описание Вергилия относится к употреблению кенотафов, то есть пустых гробниц; было допущено, в случае невозможности отыскать тело родственника, устроить ему церемонию, воспроизводящую в точности все погребальные обряды, и верили, что этим действием в могиле погребается душа за отсутствием тела. Еврипид. Елена, 1061, 1240. Схолиаст ad Pindar. Pyth., IV, 284. Вергилий. VI, 505; XII, 214.

⁵ Илиада, XXIII, 221. Еврипид. Алкеста, 479: Κοῦφα σοι χθών ἐπ'άν ὄθεν πέσοι. Павсаний. II, 7, 2. Ave atque vale, Катулл. С. 10. Сервий. ad Aeneid., II, 640; III, 68; XI, 97. Овидий. Фасты, IV, 852; Метаморфозы, X, 63. Sit tibi terra levis; tenuem et sine pondere terram; Ювенал. VII, 207; Марциал. I, 89; V, 35; IX, 30.

⁶ Еврипид. Алкеста, 637, 638; Орест, 1416—1418; Вергилий. Aen., VI, 221; XI, 191—196. Относительно Афин древний обычай приносить дары усопшим засвидетельствован Фукидидом, II, 34: εὐσφέροι τῷ εαυτοῦ κιστός. Закон Солона запрещал погребение более трех одежд с усопшим (Плутарх. Солон, 21). Лукиан также упоминает об этом обряде: «Сколько одежд и убранств сожжено или зарыто вместе с мертвыми, как будто бы они могли им пригодиться под землею». При погребении Цезаря, в эпоху большого суеверия, древний обычай был еще соблюден; на костер были возложены одежды, оружие, утварь (Светоний. Caesar, 84). Тацит. Ann., III, 3.

⁷ Илиада, XXI, 27—28; XXIII, 165—176. Вергилий. Энеида, X, 519—520; XI, 80—84, 197. Тот же обычай существовал в Галлии: Цезарь. Записки о Галльской войне, V, 17.

навливаясь для отдыха, никогда не получая необходимых для себя приношений и пищи. Несчастливая, она скоро становилась зловещей. Она мучила живых, насылала на них болезни, опустошала их жатвы, пугала их страшными явлениями, чтобы склонить их к погребению её тела и её самой. Отсюда, вероятно, появилось верование в привидения, в пришельцев с того света⁸. Все древние верования убеждают, что без погребения душа несчастна и что через обряд похорон она навсегда становилась счастливой. Погребальная церемония совершалась отнюдь не для того, чтобы показать печаль, а для успокоения и счастья усопшего (Ил., XXII, 358; Од., XI, 73).

Необходимо обратить внимание, что одного предания тела земле не было достаточно. Нужно было еще соблюсти определенные обряды и произнести установленные молитвы. У Плавта мы находим историю об одном выходе из могилы (Плавт. *Mostellaria*, III, 2); то была душа, скитающая поневоле, оттого что её тело было предано земле без соблюдения обрядов. Светоний рассказывает, что тело Калигулы было предано земле без совершения погребальных церемоний, и оттого его душа бродила по свету и являлась живым до тех пор, пока не было решено вырыть труп и снова похоронить его с соблюдением обрядов⁹. Эти два примера ясно показывают, какое действие приписывали обрядам и установленным формулам погребальной церемонии. Без них души оставались скитающимися по земле и являлись живым; следовательно, только благодаря похоронным обрядам они водворялись и погребались в могилах. И подобно тому, как существовали формулы, обладавшие силой успокоения усопших, древние обладали и другими, имевшими силу тревожить умершие души и, по желанию, вызывать их из могил.

У древних писателей можно заметить, как сильно мучила человека боязнь, что после его смерти не будут выполнены все погребальные обряды, подобающие усопшему. Это служило источником мучительного беспокойства¹⁰. Сама смерть внушала меньше страха, чем лишение погребения. Это оттого, что здесь дело шло о вечном покое, о вечном благополучии. Мы не должны слишком удивляться поступком афинян, казнивших всех полководцев, выигравших морскую битву, но не позаботившихся о погребении убитых. Эти полководцы, ученики философов, вероятно, уже отличали душу от тела и, не думая, чтоб участь последнего была связана с судьбою первой, полагали, что для трупа безразлично, где гнить, в земле или в воде. И из-за пустой обрядности — собрать и предать земле убитых — они не захотели испытать начинавшейся бури. Но толпа, которая даже в Афинах оставалась верной древним верованиям, обвинила полководцев в нечестии и осудила на смерть. Своей победой они спасли Афины; но своею небрежностью они погубили тысячи душ. Родственники убитых,

⁸ Цицерон. Тускул., I, 16. Еврипид. *Throod.*, 1085. Геродот. V, 92; Вергилий. VI, 371, 379. Гораций. Оды, I, 23. Овидий. *Fasti*, V, 483. Плиний. *Письма*, VII, 27. Светоний. *Калиг.*, 59. Сервий, ad. *Aen.*, III, 68.

⁹ Светоний. *Калигула*, 59; *Satis constat, priusquam id fieret, hortorum custodes umbris inquietatos... nullam noctem sine aliquo terrore transactam.* Подробнее о греческих и римских погребальных обрядах см.: *Велишский Ф.Ф.* Быт греков и римлян / Пер. с чешс. Прага, 1878.

¹⁰ В Илиаде, XXII, 338—344, Гектор просит своего победителя не лишать его погребения: «Заклинаю тебя жизнью, твоими родителями, не предавай моего тела собакам: но прими золото от моего отца и отдай ему мой труп для того, чтобы троянцы и троянки воздали мне подобающие почести погребального костра». — Точно так же у Софокла Антигона пренебрегает смертью, «только бы её брат не остался без погребения» (Софокл. *Антигона*, 467). То же чувство выражено Вергилием, IX, 213. Гораций. Оды, I, 18 ст. 24—36. Овидий. *Heroides*, XI, 119—123; *Tristes*, III, 3, 45. Также в проклятиях самое ужасное, что можно было пожелать врагу, это — умереть без погребения (Вергилий. *Эн.*, IV, 620). Подробнее см.: *Ф. де Куланж.* Древняя гражданская община. М., 1903. С. 8—9.

тревожась о вековечной муке, предстоявшей этим душам, явились в суд в траурном одеянии и потребовали мщения (Ксенофонт. Элленика, 11). В древних общинах закон поражал выдающихся преступников наказанием наиболее ужасным — лишением погребения¹¹. Таким образом, наказывалась душа и обрекалась на вечную муку.

Надо отметить, что у древних имелось еще другое мнение о пребывании усопших. Они воображали себе область тоже подземную, но несравненно большей величины, чем могила, в которой жили вместе все души вдали от своих тел и где мучения и блаженства были распределены соответственно той жизни, какую вел человек на земле. Но похоронные обряды находятся в очевидном разногласии с этими верованиями: несомненное доказательство того, что в эпоху установления этих обрядов не существовало еще веры в Тартар и Элизиум. Первоначальным мнением этих древних поколений было убеждение, что человеческое существо жило в могиле, что душа неотделима от тела и что она оставалась прочно связанной с той частью земли, где зарыты кости. Человеку не предстояло давать никакого отчета за прожитую жизнь. Как только он предается земле, ему уже нечего было ждать ни награды, ни кары. Таково было начало понятия о будущей жизни.

Существо, жившее под землею, не было освобождено от человеческого естества настолько, чтобы не нуждаться в пище. Поэтому в определенные дни в году приносилась пища на каждую могилу¹².

Овидий и Вергилий оставили нам описания этой церемонии, сохранившейся неприкосновенною в обычае до их времени, хотя верования уже изменились. Они рассказывают, что могила украшалась травою и цветами, уставлялась кушаньями, плодами, солью, и на ней совершали возлияние молока, вина, а иногда и жертвенной крови¹³.

Было бы крайне ошибочно предположить, что эта погребальная тризна была лишь данью воспоминания. Пища, приносимая семьей, предназначалась исключительно для усопшего. Доказательством тому служит то, что молоко и вино выливались на землю могилы, а для того, чтобы твердая

¹¹ Эсхил. Семеро против Фив, 1013. Софокл. Антигона, 198. Еврипид. Phen., 1627—1632. Лисий. Эпитаф., 7—9. Все древние общины прибавляли к наказанию злостных преступников лишение погребения.

¹² По латыни это называлось *inferias ferre, parentare, ferre solemnia*. Цицерон. О законах, II, 21: *majores nostri mortuis parentari voluerunt*. Лукреций. III, 52: *Parentant et nigras mactant pecudes et Manibus divis inferias mittunt*. Вергилий. Эн., VI, 380: *tumulo solemnia mittent*; IX, 214: *absenti ferat inferias decoretque sepulcro*. Овидий. Amor., I, 13, 3: *annua solemni cuede parentat avis*. Эти жертвы, по праву принадлежавшие мертвым, назывались *Manium jura*. Цицерон. О зак., II, 21. Цицерон намекает на это в *pro Flacco*, 38, и первой Филиппике, 6. Эти обычаи еще соблюдались во времена Тацита (Ист., II, 95). Тертуллиан порицает их, как еще бывшие в полной силе в его время: *Defunctis parentant, quos escam desiderare praesumant* (*De resurr. Carnis*, I); *Defunctos vocas securos, se quando extra portam cum obsoniis et matteis parentans ad busta recedis* (*De testim. Animae*, 4).

¹³ *Solemnes tum forte dapes et tristia dona
Libabat cineri Andromache manesque vocabat
Hectoreum ad tumulum.*
(Вергилий. Эн., III, 301—303).
*Hic duo rite mero libans carchesia Baccho
Fundit humi, duo lacte novo, duo sanguine sacro
Purpureisque jacet flores ac talia fatur:
Salve. Sancte parens, animaeque umbraeque paternae.*
(Вергилий. Эн., V, 77—81).
*Est honor et tumulis; animas placate paternas.
...Et sparsae fruges parcaque mica salis
Inque mero mollita ceres violaeque solutae.*
(Овидий. Фасты, II, 535—542).

пища могла дойти до мертвого, выкапывалось отверстие; в случае заклания жертвы она целиком сжигалась, дабы никто из живых не мог отведать её, затем произносились определенные священные заклания, приглашавшие усопшего отведать пищу и питьё; даже если вся семья присутствовала при этой тризне, она не притрагивалась к кушанью; и наконец, уходя с могилы, старались оставить в сосудах немного молока и хлеба, и считалось большим нечестием для человека тронуть этот маленький запас, рассчитанный на нужды покойника.

Эти древние верования существовали долгое время, и свидетельства их встречаются у многих греческих писателей. «Я возливаю на землю могилы, — говорит Ифигения у Еврипида, — молоко, мед, вино, так как это приносит отраду мертвым» (Еврипид. Ифигения в Тавриде, 157–163). «Сын Пелея, — говорит Неоптолем, — прими это питье, угодное мертвым, приди и отведай этой крови» (Еврипид. Гекуба, 536; Электра, 505). Электра возливает вино и говорит: «Питье проникло в землю, мой отец получил его» (Эсхил. Хозэфоры, 162). Вот просьба Ореста, обращенная к его умершему отцу: «О отец, пока я жив, ты получишь блестящие жертвы, но если я умру, ты не будешь иметь своей доли в приношениях, питающих мертвых»¹⁴. Насмешки Лукиана свидетельствуют, что эти обычаи существовали еще в его время: «Люди воображают, что души выходят наружу к приносимой пище и питаются дымом сжигаемого мяса и вином, вылитым на могилы»¹⁵. У греков перед каждой могилой было место, предназначенное для заклания жертвы и сжигания ее мяса¹⁶. У римской гробницы была также своя *culina*, место приготовления пищи для мертвых¹⁷. Плутарх рассказывает, что после битвы при Платеях убитые воины были погребены на месте битвы, и платейцам было поручено справлять ежегодно похоронное жертвенное поминовение. Вследствие этого в день годовщины они направлялись большой процессией, с главными властями во главе, к холму, под которым покоились убитые. Они несли им приношения, молоко, вино, масло, ароматы и закалывали жертву. Когда приношения помещались на могилу, платейцы произносили заклятие, призывавшее усопших отведать жертвы. Эта церемония совершалась еще во времена Плутарха, которому довелось видеть ее 600 годовщину¹⁸. Лукиан объясняет нам, откуда появились эти обычаи. «Усопшие, — пишет он, — питаются от приношений, помещаемых нами на их могилах, и пьют выливаемое на землю вино, так что мертвец, которому нет приношений, осужден на вечный голод» (Лукиан. О плаче, 9).

Итак, верования и ритуал очень рано дали определенное руководство для жизненных правил, на основе которых складывается уже собственно культ. Так как мертвые нуждались в пище и питье, то отсюда вытекала обязанность живых удовлетворять эти потребности. Забота о пище, приносимой мертвым, не была предоставлена на произвол и изменчивые чувства человека; она была обязательна. Так образовалась целая религия смерти, догматы которой могли быть очень скоро позабыты, но обряды ее продолжали жить вплоть до полного торжества христианства.

¹⁴ Эсхил. Хозэфоры, 482–484. В Персах Эсхил наделяет Атоссу мыслями греков: «Я несу моему супругу эти приношения, веселящие мертвых, молоко, мед и виноград; призовем душу Дария и выльем эти напитки; их вберет в себя земля и они дойдут до подземного бога» (Персы, 610–620). Когда жертвы предлагались божествам, обитающим в небе, то люди участвовали в трапезе, но когда они приносились мертвым, то все мясо сжигалось (Павсаний, II, 10).

¹⁵ Лукиан. Харон, 22; Овидий. Фасты, II, 566: *posito pascitur umbra cibo*.

¹⁶ Лукиан. Харон, 22: «Они выкапывают ямы вблизи могил и там готовят пищу для мертвых».

¹⁷ Фест, слово *culina*: *culina vocatur locus in quo epulae in funere comburuntur*. См.: Nilsson M. P. A History of Greek Religion. Oxford, 1940. P. 23.

¹⁸ Плутарх. Аристид, 21: *παράκαλεϊ τοὺς ἀλοθανόντας ἐπὶ τὸ δεῖπνον καὶ τὴν ἀποκοῦραν*.

Поскольку мертвые считались священными существами¹⁹, то древние давали им самые почтительные названия, какие только могли придумать. Они называли их добрыми, святыми, блаженными²⁰. Они питали к ним все благоговение, какое только доступно человеку по отношению к божеству, внушающему к себе любовь или ужас. По их мысли, каждый усопший был чуть ли не богом²¹.

Такое обоготворение было свойственно не одним только великим людям: между умершими не было различий. Цицерон говорит: «Наши предки хотели, чтобы люди, покинувшие эту жизнь, сопричислялись к сонму богов» (Цицерон. О законах, II, 22). Даже не было необходимости быть человеком добродетельным — злой точно так же становился богом, как и добрый; только и в своей загробной жизни он сохранял в себе все порочные склонности, свойственные ему при жизни на земле (Святой Августин. О граде Божьем, VIII, 26; IX, 11).

Греки охотно давали умершим названия подземных богов. У Эсхила сын так призывает своего усопшего отца: «О ты, ставший богом под землею». Еврипид говорит об Алкесте: «Прохожий остановится у ее могилы и скажет: теперь она блаженное существо»²². Римляне называли своих мертвых богами Манами. «Воздавайте богам Манам должное, — говорит Цицерон: — это люди, покинувшие жизнь; считайте их за существа божественные» (Цицерон. О законах, II, 9; Св. Августин. О граде Божьем, VIII, 26).

Гробницы были храмами этих божеств. Оттого они носили на себе священную надпись: *Dis Manibus* — богам Манам, а по гречески *θεοῖς χθονίοις* (богам подземным). Здесь-то и жили погребенные боги, *Manesque sepulti*, говорит Вергилий (Вергилий. Энеида, IV, 34). Перед могилою находился алтарь для совершения жертвоприношения, как и перед храмами богов²³.

Это почитание мертвых мы находим у эллинов, латинян, сабинян (Варрон. *De lingua lat.*, IV, 74), этрусков; находим его также у арийцев в Индии. Гимны Ригведы упоминают о нем. Книга законов Ману говорит, что культ мертвых — самый древний по происхождению у людей. Уже из этой книги видно, что идея переселения душ появилась позднее этих древних верований, однако и при культе Браммы и при учении о переселении душ культ мертвых предков продолжает существовать, полный жизни и силы, и вынуждает издателя законов Ману считаться с собой и внести свои повеления в священную книгу. Немалой странностью этой книги является то, что она носит в себе правила относительно древних верований, тогда как она, очевидно, была составлена во время совершенно противоположных представлений.

¹⁹ Ὁβιον τοὺς μεθεστῶτας ἱερούς νομίζειν. Плутарх. Солон, 21.

²⁰ Χρηστοί, μάκαρες, Аристотель цит. Плутархом *Quaest. Rom.*, 52; *grecq.*, 5; *μάκαρες χθόνιοι*, Эсхил. Хозфоры, 475.

²¹ Еврипид. *Phenic.*, 1321: τοῖς θανούσι χρητὸν οὐ τεθνηκότα τιμας δίδοντα χθόνιον εὐσέβειν θεόν. Одиссея, X, 526: εὐχρησὶ λίση κλυτὰ ἔθνεα νεκρῶν. Эсхил. Хозфоры, 475: «О блаженные, обитающие под землею, услышьте мой призыв: спешите на помощь к вашим детям и облегчите им победу». В этом смысле Эней называет своего умершего отца *Sancte parens, divinus parens*: Верг. Эн., V, 80; V, 47. Плутарх. Римск. вопр., 14: θεὸν γεγονέν τὸν τεθνηκότα λέγουσι. Корнелий Непот, отрывки, XII: *parentabis mihi et invocadis deum parentem*.

²² Еврипид. Алкеста, 1015: νῦν δ' ἐστὶ μάκαρα δαίμων χαῖρ, ὦ πότνι, ἐὸ δὲ δοίης.

²³ Еврипид. Троянка, 96: τίμβρους δ' ἱερά τῶν κεκλιπκότων. Электра, 505–510 Вергилий, Эн., VI, 177: *Aramque sepulcri*; III, 63; *Stant Manibus arae*; III, 305: *Et geminas, causam lacrymis, sacraverat aras*. Грамматик Ноний Марцелл говорит, что гробница называлась храмом у древних, и действительно, Вергилий употребляет слово *templum* (храм) при описании гробницы или пустой могилы (кеностафа), устроенной Дидоною в память о моем муже (Энеида, IV, 457). Плутарх. Римск. вопр., 14: *Ἐπὶ τῶν τάφων ἐπιστρέφοντά, καθάπερ θεῶν ἱερά τιμῶντες τὰ τῶν πατέρων μνήματα*.

Это доказывает, что если много времени необходимо для преобразования человеческих верований, то еще больше его требуется для изменения внешних порядков и законов. Вероятно, у индоевропейской расы нет ничего древнее, а также устойчивее этих идей и обрядов.

Такое почитание было одинаково как в Индии, так и в Греции и в Италии, индус должен был приносить манам жертву, которая называлась срадда. «Пусть глава дома совершит срадду из риса, молока, корней и плодов, чтобы обратить на себя благоволение манов». Индус верил, что маны предков присутствуют при предложении жертвы, восседают вокруг него и питаются предложенной пищей. Они верили также, что этот обряд доставлял мертвым большую радость: «Когда срадда совершена согласно обрядам, предки приносящего жертву испытывают полное удовольствие» (Законы Ману, I, 95; III, 82, 122, 127, 146, 189, 274).

Таким образом, восточные арийцы вначале думали совершенно одинаково с западными относительно таинственной судьбы человека по смерти. Прежде веры в переселение душ, требовавшей уже точного различия души и тела, существовала вера в смутное и неопределенное бытие человеческого существа, недоступного зрению, но вещественного и требующего от смертных пищи и питья.

Индус, как и грек, смотрел на умерших, как на существа божественные, пребывающие в блаженном состоянии. Но для их блаженства требовалось соблюдение одного условия: надлежало, чтобы тщательно соблюдались жертвенные приношения живыми.

Если исполнение срадды по усопшему прекращалось, душа умершего выходила из своего мирного жилища, делалась странствующей по земле душою и мучила живых; так что если маны были действительно богами, то лишь настолько, насколько живые чувствовали их культом²⁴.

Греки и римляне были того же мнения. Как только прекращались могильные жертвы, приносимые усопшим, умершие тотчас покидали гробницы; они превращались в блуждающие тени, и их вопли раздавались по ночам. Они упрекали живущих в нечестивом нерадении, старались наказать их, насылали на них болезни или поражали землю бесплодием. Они не давали живым ни минуты покоя, пока не восстанавливались могильные жертвы²⁵. Жертвоприношение, предложение пищи и возлияние вина снова заставляли их вернуться в могилы и возвращали им покой и божественные свойства. Тогда человек снова был в мире с ними²⁶.

Покойник становился злым существом, когда о нем забывали и не радели, зато, когда его чувствовали, он становился богом-покровителем. Он питал любовь к приносившим ему пищу и, чтобы отблагодарить их, продолжал принимать участие в земных делах, — и часто он был очень поле-

²⁴ Это почитание, воздаваемое мертвым, выражалось по-гречески словами: *εναγίζω, εναγισμός*. Поллукс, VIII, 91; Геродот, I, 167; Плутарх. Аристид, 21; Катон, 15; Павсаний, IX, 13, 3. Слово *εναγίζω* означало жертвы, предложенные мертвым, *θύω* — жертвоприношение небесным богам; это различие указано Павсанием, II, 10, 1, и схоластом Еврипида, *Phenic.*, 281. Плутарх. Римск. воп., 34; *χοῖς καὶ εναγισμοῦς τοῖς τεθνηκόσι... χοῖς καὶ εναγισμῶν φέρουσιν ἐπὶ τὸν τάφον*.

²⁵ У Геродота, I, 167, рассказ о двух душах фокейцев, наделавших беспокойства целой стране, пока по ним не установили годовщину, несколько подобных же историй у Геродота и Павсания, VI, 6, 7. Также у Эсхила: Клитемнестра, извещенная, что Маны Агамемнона негодуют на нее, поспешно посылает пищу на его могилу. Вот также римская легенда, рассказанная Овидием. Фасты, II, 549—556: «Однажды было забыто совершение *parentalia*, тогда души вышли из могил и с воем бегали по улицам города и по полям Лациума, пока на их могилах им не были принесены жертвы».

²⁶ Овидий. Фасты, II, 518: *Animas placate paternas*. Вергилий. Эн., VI, 379; *Ossa piabunt et statuent tumulum et tumulo solemnina mittent*. Ср. греческое *λάσκομαι* (Павсаний, VI, 6, 8). Тит Ливий, I, 20: *Iusta funebria placandosque manes*.

зен. Хотя и мертвый, он мог быть деятельным и сильным. К нему обращались с просьбами, у него искали поддержки и благоволения. Если на пути встречалась гробница, то было в обычае остановиться и сказать: «Ты, ставший под землею богом, будь ко мне милостив»²⁷.

О степени могущества, какое древние приписывали мертвым, можно судить по следующей молитве Электры к манам своего отца: «Сжался надо мною и братом Орестом; верни его в эту страну; услышь мою мольбу, отец; прими мои возлияния и исполни мои желанья». Эти могучие божества дают не одни вещественные блага; так, Электра прибавляет: «Сотвори мне сердце более невинное и руки более чистые, чем сердце и руки моей матери» (Эсхил. Хоэфоры, 122—145). Так и индус просит у манов: «да возрастет в семье его число людей добродетельных, и да пребудет у него излишек для раздачи».

Эти человеческие души, возводимые по смерти в степень божества, назывались у греков также демонами или героями²⁸, латины называли их ларами, манами²⁹, гениями. «Наши предки думали, — говорит Апулей, — что манов, когда они бывали зловредными, следовало звать ларвами, ларами же их называли тогда, когда они бывали благотворными и милостивыми» (Апулей. *De deo Socratis*; Сервий. *Ad Aeneid.*, III, 63). Еще одно мнение: «гений и лар — это одно и то же существо: так думали наши предки» (Ценсорин. *De die natali*, 3). И у Цицерона: «Что греки называют демонами, мы зовем ларами»³⁰.

Но поскольку для живых чаще всего было неизвестно, кто из умерших мог сделаться ларом, а кто ларвой, то и те и другие обозначались общим названием *manes* (Creuzer, III, 559—562; *Cp. Ovid, Fast*, II, 565; August, *De civitate dei*).

Три раза в год, как передает римский лексикограф Фест, отшедшие души выходили из подземного мира на поверхность земли — 24 августа, 5 октября и 8 ноября. Народ связывал представление об этом периодическом душепереселении с камнем теней (*lapis manalis*), который лежал над одной пропастью. Из-под этого камня души истекали наверх. Во время этого исхождения душ совершался римский праздник, происхождение которого приписывали Энею, состоящий преимущественно из возлияний душам умерших (Ovid. *Fast*, I c).

Впоследствии, когда римляне заимствовали у греков мифы и религиозные верования, местом для отошедших душ они стали полагать греческий Аид или Элизиум.

²⁷ Еврипид. Алкеста, 1004 (1016). «Существует верование, что, если мы не радеем о мертвых и пренебрегаем их почитанием, они приносят нам зло, но, напротив, они приносят добро, если мы их умилостивляем своими жертвами». Порфирий. *De abstin.*, II, 37. См.: Гораций. Оды, II, 23; Платон. Законы, IX. С. 926, 927.

²⁸ Возможно, что первоначальное слово *ήρώς* значило умерший человек. Язык надписей является языком народным, и в нем дольше удерживается древнее значение слов, а он иногда употребляет слово *ήρώς* с тем простым значением, какое мы даем слову «покойник»: *ήρώς χήρτε χαίρε*, Бек, *Corp. Inscr.* №№ 1629, 1723, 1781, 1782, 1784, 1786, 1789, 3398. Ф. Леба, *Monum. De Moree*. С. 205. См. Феогнид, 513, Павсаний, VI, 6, 9. У фианцев было древнее выражение, значившее умереть, *ήρωα γίνεσθαι* (Арист., отрывки. Изд. Хейца, ч. IV, ст. 260; Плутарх, *Proverb. Quibus Alex. Usi sunt*, с. 47). Греки называли также душу умершего демоном (*δαίμων*). Еврипид. Алкеста, 1140, и Схолиаст. Эсхил. Персы, 620: *δαίμονα Αιδεῖον*. Павсаний, VI, 6: *δαίμων ανθρώπου*.

²⁹ *Manes Virginiae* (Тит Ливий, III, 58). *Manes conjugis* (Вергилий, VI, 119). *Patris Anchisae Manes* (id., X, 534). *Manes Hectoris* (id., III, 303). *Dis Manibus Martialis, Dis Manibus Acutiae* (Орелий, №№ 4440, 4441, 4447, 4459 и т.д.). *Valerii deos manes* (Тит Ливий, III, 19).

³⁰ Цицерон, Тимей, 11. Дионисий Галикарнасский переводит *Lar familiaris* как: *κατ οὐκταν ήρώς*. (*Antiq. Rom.*, IV, 12).

Итак, мы видим, что эта религия мертвых была одной из древнейших. Долгое время она жила в народе³¹. Прежде чем понять и обоготворить Индру или Зевса, человек обоготворил мертвых; он впервые почувствовал страх и обратился с молитвой. Возможно, что религиозное чувство зародилось именно здесь. Быть может, именно при виде смерти у человека впервые блеснула мысль о сверхъестественном и возникла жажда надежды на большее, чем они видели. Смерть была для него первой тайной, и она поставила его на путь других. Она подняла его мысль от видимого к невидимому, от преходящего к вечному, от человеческого к божественному. И поскольку эти представления довольно глубоко проникли в умы и чаяния древних, они нашли свое отражение уже в первых попытках систематизации знаний об окружающем мире и вселенной — в мифологии и эпосе.

Summary

The autor consideres the ancient european tanatology. Before to understand and idolize Indra and Zeus, the person has idolized dead; he for the first time has felt fear and has addressed with a pray. The death was for him the first secret, and she has put him for a way of others.

³¹ Об этом наглядно свидетельствует уже тот факт, что римское божество преисподнего мира, Оркус, поедающий трупы, превратился у итальянцев в огсо и в огре (людоед) французских сказок. См.: *Фюстель де Куланж*. Древняя гражданская община. С. 14.